

Век живи, век учись...**Олег Божков**
Социологический институт РАН

В дискуссии о качественных и количественных методах (подходах, парадигмах, исследованиях), на мой взгляд, немало путаницы, смешения понятий, оснований, определений. А, в конечном счете, - забвение (или незнание) элементарных азов гносеологии (теории познания). Но и сказать, что истина лежит посередине, значит — ничего не сказать, или просто уйти от ответа.

Сначала о гносеологии. Как известно, познание в определенном смысле есть движение от неопределенности к определенности. И первый шаг на этом пути — мысленное выделение предмета познания в качестве **отдельного** предмета, т.е. выделить его (предмет) из некоторой окружающей среды — определить качественно. Этот первый шаг осуществляется путем различения и отождествления данного предмета от/с другими предметами. И пока предмет познания не определен качественно, его невозможно определить количественно.

При этом, уже на первых шагах познания выделение (отдельного) предмета осуществляется с помощью тех или иных признаков, которые рассматриваются как целостные. Для качественного определения предмета, как правило, мы ориентируемся на существенные признаки, отличающие данный предмет от других, и отвлекаемся (абстрагируемся) от всех несущественных признаков. В то же время, стоит заметить, что качественное определение является неполным. Любой предмет познания должен обладать не только качественной, но и количественной определенностью. Одно из определений понятия (философской категории) «количество» не случайно подчеркивает его качественную сторону: «В методологическом плане «количество» это есть определенность однокачественных предметов, рассматриваемая со стороны интенсивности или степени проявленности какого-либо признака».¹

Понятие «количество» обычно связывают с понятием числа, хотя это не всегда верно. Во многих случаях при количественных сравнениях мы спокойно обходимся без чисел: больше – меньше, выше – ниже, толще – тоньше, лучше – хуже и т.п. Естественно, этот ряд «качественных» оценок количества можно продолжать и продолжать. Существенно при этом то обстоятельство, что количественные сравнения и оценки возможны только тогда, когда сравниваемые предметы (объекты) — однокачественные. Таким образом, качество и количество находятся в неразрывном диалектическом единстве.

Да простят меня читатели за этот ликбез. Но без элементарных основ нет предмета обсуждения. Качественная определенность оказывается первичной. С этой точки зрения качественное исследование целесообразно на начальных стадиях познания того или иного предмета. Однако, и количественное исследование отнюдь не венчает процесс познания. От установления количественной определенности мы должны сделать следующий шаг — к установлению меры и закона, на котором названные выше операции отождествления и различения, качественной и количественной определенности (сравнения) повторяются на более высоком уровне абстрагирования. Абсолютизация одной из сторон процесса познания: качественной или количественной неизбежно ведет к обеднению получаемого знания.

Иное дело, что имеется и другое значение понятия «качество»: не как определенное сходство или отличие от других предметов, но как доброкачественность, добротность того или иного предмета. С этой точки зрения обоснованные претензии могут быть высказаны,

¹ И.С. Тимофеев, Методологическое значение категорий «качество» и «количество», М., «Наука», 1972, с. 21.

как к тем исследователям, которые относят себя к «количественникам», так и к тем, кто идентифицирует себя как «качественника».

Примите, уважаемые читатели, еще один реверанс. Здесь сознательно не будут упомянуты никакие конкретные исследования (и уж тем более – имена). Моя задача не в том, чтобы «раздать сестрам по серьгам» и указать, кто прав, кто виноват. Задача в другом — и самому лучше разобраться и другим помочь осознать, что же является предметом обсуждения в этой непростой дискуссии.

Естественно, претензии к тем, и к другим принципиально различны. Внимательное чтение публикаций о результатах так называемых традиционных количественных исследований, позволяет выделить целый ряд типичных ошибок. Во-первых, это пренебрежение к фундаментальным качественным характеристикам исследования, как целого. А именно, далеко не всегда авторы дают себе труд внятно и недвусмысленно (на качественном уровне – и другого, — здесь просто нет) описать генеральную совокупность, относительно которой предполагается делать выводы (т.е. дать четкое её определение).

Во-вторых, сплошь и рядом обнаруживаешь в известной мере случайное выделение переменных, которые избраны для описания предмета исследования. Социологи не всегда утруждают себя осознанной и тщательной операционализацией основных понятий, в терминах которых сформулированы гипотезы. (Если они сформулированы, но часто и гипотезы эксплицитно – т.е. явно, - не формулируются, но лишь подразумеваются). В-третьих, поражает небрежность формулировок, как вопросов, так и вариантов ответов к ним, особенно при «закрытых» вопросах, (опять-таки на качественном уровне).

Наконец, (и это возвращает нас к «во-первых») крайне редко в публикациях удостаивают читателя сведениями о том, при каких условиях проходил опрос, кто именно и по каким критериям попал в выборочную совокупность, каковы параметры репрезентативности выборки и т.п. Иными словами, насколько правомерны и обоснованы выводы, о которых сообщает исследователь своим читателям. Если такая информация отсутствует, я, как читатель, имею все основания не доверять ни одному слову в такой публикации. Она просто не имеет смысла.

Уж не будем говорить о том, что названные (мягко говоря) недочеты, как правило, сопровождаются незатейливым перечислением: сколько-то процентов опрошенных выбрали вариант «а», столько-то — вариант «б», а все остальные – отметили вариант «в». Кроме того, читателям может быть поведано о том, что среди тех, кто выбрал вариант «а» 38 % составляют малообразованные люди, а среди тех, кто выбрал вариант «в» 52% — это люди с высшим образованием. Но то обстоятельство, что при различии численности, выбравших варианты «а» и «в» 38% и 52% статистически не различимы, остается «за кадром». А это, как известно понимающим, что такое статистика, крайне существенно. И отнюдь не всегда это — свидетельство некомпетентности исследователя. Иногда это просто невнимание к методологической и методической корректности, иногда, к сожалению, — бессознательная «подтасовка» результатов «по требованию заказчика».

Как было с сожалением отмечено несколькими участниками, прошедших в середине октября в Москве «Харчевских чтений», все это довольно типично и свидетельствует об утрате или забвении норм (или стандарта) общего академического дискурса и в целом — представления научного знания. Именно об этом, в частности, говорили: Е. Ю. Мещеркина, И.Ф. Девятко (обе - ИС РАН, Москва), В.Ф. Левичева (РГГУ, Москва), П. Романов (Саратовский ун-т) и др.

Совершенно иные претензии (если уместно так выразиться) к представителям и апологетам качественной парадигмы. Здесь на первое место я бы поставил ничем неоправданное недоверие к теоретическим основам эмпирического исследования. Очень многие сторонники качественного подхода твердят, как о глобальном недостатке количественных исследований, об их теоретической предвзятости (или об отсутствии эвристичности этих исследований). Их излюбленный термин — «теоретическая

чувствительность», якобы утраченная «количественниками». Но еще более удивительна вера в то, что Теорию можно вывести непосредственно из эмпирических данных.

Здесь самое время вернуться в лоно гносеологии, которая утверждает закономерность определенного разрыва между теоретическим и эмпирическим знанием. Этот разрыв существует во всех науках. И дело не только в том, что в одних науках этот разрыв меньше, а в других — больше. Но также и в том, что в первых науках (в частности, в физике, химии, астрономии) за долгие годы их развития на разных стадиях исследований выработаны определенные процедуры, способствующие более или менее плавному (и — главное — обоснованному) переходу от теоретического знания к эмпирическому. Другие процедуры, наоборот, способствуют восхождению к более высоким уровням абстрагирования от эмпирически наблюдаемых фактов, т.е. концептуализации эмпирического знания.

И, кроме того, объект естественных наук — естественная природа — обладает более стабильным характером, нежели объект общественных и гуманитарных наук. Еще М. Вебер обращал внимание на тот факт, что в естественных науках пониманию явлений природы предшествует их аккуратное описание и объяснение. Тогда как в науках об обществе объяснение оказывается невозможным, пока не поняты значения и смыслы, которыми люди наделяют те или иные явления и процессы, происходящие в обществе. Это точное и тонкое наблюдение ни в коей мере не опровергает идею «чистых или идеальных типов», т.е. теоретических конструкций, без которых, согласно М. Веберу, невозможно научное познание общества.

В истории науки известно немало примеров полезности и большого эвристического потенциала даже совершенно неправильных теорий (достаточно вспомнить хотя бы бойлевскую теорию флогистона). Но практически не известны случаи серьезных открытий и больших практических достижений без теоретической поддержки. Теория в науке (в любой науке, если это Наука) выполняет очень важные функции: нормативную, организующую, направляющую процесс познания.

Некоторые утверждения апологетов качественных (а также «гуманитарных», «понимающих» и т.п.) методов, подходов представляются вообще не относящимися к Науке. В частности, утверждения об уникальности и специфичности процедур. Существуют определенные критерии научности, которые, на мой взгляд, просто невозможно взять и отменить. Такие как: систематичность познавательных процедур, их воспроизводимость, равно как и воспроизводимость полученного знания, логическая непротиворечивость доказательств и аргументов. Когда же исследователь говорит, что та или иная процедура не может быть воспроизведена на разных объектах, ибо эти объекты уникальны, возникает сильное сомнение, а процедура ли это?

Заметим, и в искусстве существуют понятия метода, приема, манеры. Эти понятия характеризуют устойчивые, воспроизводимые действия. Методы, приемы, манеры в живописи, музыке, литературе являются шагами искусства к новым достижениям, к новому, более глубокому постижению мира средствами искусства. Новые методы здесь рождаются крайне редко, но они обязательно воспроизводимы. Они становятся элементами «школы», и пока начинающий художник не освоил эти азы профессии, вряд ли кому-то придет в голову называть его художником. Но мы, - социологи, - занимаемся наукой, наша цель — познание общества, понимание и объяснение общественных явлений и процессов, их механизмов и причин. Это знание, если оно научное, должно быть доказательным, надежным, воспроизводимым.

И, наконец, еще одно возражение сторонникам «чисто качественных» исследований, которое вызовет, думаю, сильную реакцию. В центре внимания исследователей этого направления оказываются проблемы актора, его идентичности, самочувствия и т.п. Отсюда в методологических рассуждениях появляются такие слова как «вчувствование», «вживание», «сознательное» и «бессознательное» и т.д. Все эти термины не принадлежат языку социологии, они заимствованы из психоанализа,

психологии, из языка искусства и искусствознания. На мой взгляд, это не просто заимствование «чужого» языка: здесь происходит подмена предмета науки социологии.

Это принципиальный вопрос. У социологии сложные взаимоотношения с человеком. Вроде бы, его не обойти и не объехать, но в то же время человек никак не входит в предмет этой науки и не является её объектом. Социология, наряду с целым рядом других наук, — наука об обществе. От этих других наук социологию отличает специфический предмет, в который входят общности, социальные отношения, социальные институты и социальные процессы. Естественно, общности – это совокупности людей, но общество — это отнюдь не просто совокупность (или множество) индивидов. Социальные отношения складываются, существуют и изменяются объективно, т.е. вне зависимости от желания или нежелания людей видеть их такими или иными. Не будем использовать категории первичности-вторичности, но очевидно, что социальные отношения определяют поведение и позиции людей, а не наоборот. Социальные институты (как в значении «учреждения и организации», так и в значении «устойчивых норм, правил и моделей поведения») также складываются, существуют и изменяются в определенном смысле независимо от людей. Люди создают новые фирмы, институты, учреждения... по образу и подобию уже известных им институтов. Институции абсолютно нового типа — огромная редкость. А что уж говорить о социальных процессах. Мы можем описывать их (если удастся их заметить), можем понять их природу и описать факторы, которые приводят их в действие. В лучшем случае, мы можем их слегка корректировать, но не можем ни отменить, ни остановить.

И сколько бы ни занимались актерами, мы вряд ли поймем природу социальных процессов. Опять-таки в лучшем случае в актерах (и через них) возможно «поймать» заметно искаженное отражение общества. Но человек для социолога — это «слабое» и, к тому же, «кривоватое» зеркало. Конечно, во многих (очень многих) ситуациях у социолога нет других инструментов для познания общества, нет других источников информации об обществе кроме людей. Именно поэтому профессиональный социолог должен знать психологию человека, как серьезный физик должен знать принцип действия того прибора, с помощью которого он проводит эксперимент с целью познания законов физического мира. Но для физика его даже самый сложный прибор не самоцель и не предмет его исследования. Так почему же социолог столь часто «отвлекается» от своего предмета?

В заключение стоит вернуться к началу этих заметок. Вряд ли стоит столь резко противопоставлять друг другу две стороны ОДНОЙ медали. Да, в процессе познания качественная определенность предмета познания первична, но недостаточна для глубокого познания, для того, чтобы проникнуть в сущность предмета познания. Дело, конечно же, не в методе как таковом. Представляется весьма и весьма существенным то, насколько осознаны цели нашей деятельности как ученых и специфика этой деятельности. К сожалению, современная социология не только отечественная, но и зарубежная, все меньше занимается познанием общества. Социологи все чаще выступают как журналисты, публицисты, политики-манипуляторы. И это немного досадно.